

Я очень счастливый человек и могу только бесконечно благодарить свою жизнь за то, что попадала исключительно в прекрасные руки. Как к хирургам!

Мои нижегородские педагоги – это подарок судьбы. Или нет, не так. Эти люди стали моей судьбой, моими «творческими родителями», моим вдохновением. Для меня они – огромные величины, титаны искусства, требовательные, но заботливые Учителя. Где-то в мозжечке всегда свербит: а вдруг Анатолий Иванович увидит?

«Моя милая девочка... – сложный прищур (вроде, не хитрый, но и не очень снисходительный), низкий голос, – поведай же нам, прекрасное дитя (ха-ха-ха), что же задержало тебя, что ты опоздала на... (смотрит на часы) целых 7 минут?.. Что?!?! Что ты там лепечешь? Ах, вот оно что! Сорок пятый! (кивает головой) Сорок пятый автобус...»

Альбина Александровна... Альбина Санна...

Нам повезло – она была нашим куратором, нашей «классной дамой».

Про Альбину Александровну Нестерову ходит много баек – про белое пальто – всеми, конечно, она самая любимая. Потому что невероятно – услышать от человека, словарный запас которого приближался (а может, и равнялся) Пушкинскому, употребление обобщенной лексики. Но как же элегантно! Как вся она. Со всеми своими жестами, нога на ногу, сидя на парте, идеально подогнанными по фигуре костюмами, пышным каре и ироничной улыбкой.

Она нас лепила. Через себя. Через книги – эти стеллажи у неё в доме бесконечными рядами, – и всё это в ней, и всё это нам! Чтобы мы были. Чтобы мы стали. Чтобы личности. Чтобы никакого мещанства души. Все эти новые замашки – машины, двухэтажные квартиры, новые времена...

«Времена... Да, Наталья, ты не можешь игнорировать время... Оно всё же другое, вам трудно...»

Антону Маркову: «Я поняла, что такое педагогика. Это эффект общения».

Ему же: «Может, это лучше – свободное развитие духа».

Студентам: «Я подошла к полке и сказала себе: «Не доставай Блока». И достала его. Потом я сказала себе: «Не открывай его». Но я его открыла. Потом я сказала себе: «Ну, тогда хотя бы не клади его в сумку». Но положила его в сумку. Потом я пробовала уговорить себя не брать его с собой. Но я его взяла. Итак, Блок...»

Она довольно посмеивалась, слушая мой рассказ о том, как я увидела Альбину Санну буквально в состоянии наркоманки, добывшей «дозу», – вышел трёхтомник Лотмана.

И счастьем моему не было предела, когда я привезла ей то, чего она ещё не читала. Она долго и залиристо хохотала, увидев мои округлённые глаза: «Моя милая девочка, ты всерьёз полагаешь, что ваша Альбина Санна читала всё?» Я действительно всерьёз полагала.

Она ездила разбираться за нас в милицию. И после любых наших хулиганских выходов по-родительски увещевала: «Ну вы же – артисты, вы должны это делать незаметно».

То, что Альбина Санна (практически как сама жизнь) гораздо больше, чем мои представления о ней, я поняла во время нашей последней поездки, уже из Пущина, на выставку Пикассо! Альбина Санна начала хототать сразу, выйдя из машины и увидев очередь – очередь окольцо-

вывала музей почти дважды. Заметив наши отвисшие рты – неужели столько ценителей искусства?! – к нам немедленно подвалили «бравые ребята», предложившие продать нам «очередь» по две тыщи с носа. «А поторговаться?» – был её немедленный ответ, и тут же оторопевшей мне: «Моя милая девочка, ты всё же ещё плохо меня знаешь». Мы заплатили по тыще. Позднее она посетовала, что совсем забыла воспользоваться своим удостоверением «Заслуженный работник культуры». «Да Бог с ним!..» А потом снова раскатисто хохотала, глядя на «Купальщиц», называя Пикассо хулиганом. Сколько же в ней было юмора!

И в этом была вся она. Невероятная, ироничная, большая, по сравнению с ней всё мелко – наша Альбина Санна. Спасибо ей за всё.

2018. Апрель
